

Из дневника А.С. Черняева.

Запись от 11 марта 1985 года

Печальная музыка в 7 утра вместо передачи «Опять двадцать пять» насторожила... И действительно, Шопен вновь, как уже не раз, стал первым информатором советских людей и заграницы о том, что в СССР предстоит «смена эпох». Черненко умер вчера вечером. Это все предвидели, насмешничали, хихикали, рассказывали анекдоты по поводу того, как наше руководство и пропаганда, демонстрируя полную энергии жизнедеятельность Генерального секретаря на экранах, на выборах и в многочисленных заявлениях, обращениях и интервью, делала нас «страной дураков».

Загладин, Александров, Лукьянов и Медведев были подняты с постели в полночь, вызваны в Кремль — и Горбачев поручил им к утру подготовить проект речи для «того, кто будет избран Генеральным секретарем». (Надо сказать, что создали они не очень яркое произведение. Но не в этом суть).

Пономарев собрал замов в 9–45 и очень удивился, что все давно уже все знают.

В 14–00 объявили по радио.

В 17 часов состоялся Пленум. Встали, почтили, Горбачев сказал (без перебора) приличествующие слова. Но в атмосфере не было ни грамма огорчения и печали; мол, отмучился, бедолага, случайно попавший на неположенное место... и сделавший паузу в том разгоне, который придал было стране Андропов. Затаенная, если не радость, то «удовлетворение» царило в воздухе — кончилась, мол, неопределенность и пора России иметь настоящего лидера.

Горбачев объявил повестку дня: выборы Генерального секретаря и сообщил, что Политбюро поручило выступить с предложением по этому вопросу товарищу Громыко. Ни Тихонову, который весь съезжился и покраснел, когда это было объявлено, ни Романову, ни Гришину, которого, кстати, западная печать прочила в претенденты наряду с Горбачевым и Громыко.

Этот последний вышел на трибуну и без бумажки стал говорить в вольном стиле. Когда он назвал Горбачева — зал взорвался овацией, сравнимой с той, которая была при избрании Андропова (и ничего похожего на кислые аплодисменты, когда избирали Черненко). Овация шла волнами и долго не успокаивалась.

Громыко говорил так, как не принято говорить на таких собраниях: он давал характеристику (раскованно и не шаблонно) качествам «товарища по Политбюро», которые были сочтены необходимыми и достаточными, чтобы единодушно («я подчеркиваю», повторил он) избрать именно его.

Хочу, говорил, передать вам, Центральному Комитету, атмосферу в Политбюро, когда мы обсуждаем кандидатуру Михаила Сергеевича. Никаких сомнений, полное единогласие. Почему? У него огромный опыт партийной работы — на обкомовском уровне и здесь, в центре. И он проявил себя блестяще. У него глубокий и острый ум, умение отделить главное от второстепенного. Ум аналитический. Каждый вопрос он раскладывает по полочкам, чтоб видеть все его

составные части. Но не для того, чтобы они там лежали. Он умеет обобщать и делать выводы. Его отличает принципиальность. Он человек принципов и убеждений. Он умеет отстаивать свое мнение, даже если это кому-то может быть и неприятно. И выражает это мнение прямо, без обиняков. Но всегда во имя линии партии и для проведения этой линии. Это и есть партийный подход — все оценки с точки зрения партии.

Он прям с людьми и, если ты настоящий коммунист, ты уходишь удовлетворенный от него, хотя, может быть, он и наговорил тебе чего-то не по душе. Он умеет находить и общий язык с разными людьми — во имя дела. Скажу, продолжал Громыко, о своей области. Михаил Сергеевич, как только появился в Политбюро, сразу обратил на себя внимание умением видеть суть вопроса в том, что, казалось, совсем не его сфера, он с ней был незнаком (т.е. международной политикой). И его оценки показали, что он не из тех, для которых существует только два цвета: белый и черный. Он показал, что умеет выбирать и промежуточные цвета ради достижения цели.

И еще одно. На Западе спят и видят отыскать в нашем руководстве трещины, столкнуть лбами членов руководства... Нашептывают, сплетничают, клеветуют. Мы не дадим им удовольствия видеть что-либо подобное. Выбор Горбачева — свидетельство нерушимого единодушия в нашем руководстве.

Для него святое дело — оборона и бдительность. В нынешней обстановке это — святая святых.

И еще одно. Его эрудиция, почерпнутая из его образованности и из опыта работы, что тоже очень важно. Она очень пригодится ему на посту Генерального секретаря. Словом, мы имеем перед собой государственного человека, достойного занять этот пост в столь ответственный для страны момент.

Потом были вновь овации.

Потом председательствовавший Романов дал слово Горбачеву. (Речь будет завтра в газетах). Потом Горбачев закрыл Пленум, пригласил всех присутствующих, включая первых секретарей обкомов, бывших на Пленуме, но не входящих пока (!) в ЦК, отправиться в Колонный зал проститься с Черненко.

Загадкой для меня (думаю, и для многих) осталось — почему Громыко? Он вроде как исподволь намечал программу деятельности нового Генсека. Но это — пшик. Главное, что таким образом он был представлен партии, как *инициатор* выдвижения Горбачева. Что этим хотели сказать? Или — что от этого хотел получить сам Громыко, сделав так, чтобы именно он, а не премьер-министр, не кто-либо из «партийных» (а государственных) членов ПБ выступили в этой роли? Укрепить свое нынешнее положение? Сохранить монополию на внешнюю политику, которую он заполучил при Черненко? Закинуть удочку насчет «повышения» — на должность премьера или председателя Президиума Верховного Совета? Или быть просто «старшим товарищем», патронировать молодого Генсека... Может быть, просто для ради тщеславия?

Возможно, сочетание этих побудительных мотивов. Но что-то должно быть и главным.

Впрочем, не думаю, что ему удастся сесть на шею Горбачеву. Не на того напал!

По многим «данным» народ доволен, что именно Горбачев. Еще до смерти Черненко люди в метро, троллейбусах, в столовых, не стеснялись громко выразить такое «пожелание». Народ устал от безвременья, от демонстрации официальной глупости, когда лидера превращают в почитаемую куклу, с помощью которой, однако, весьма влияют на ход событий.

Но... от Горбачева много ждут, как начали было ждать от Андропова. Хватит ли у него мужества оправдать ожидания? Возможности у него большие. Свежие кадры партийного аппарата и настоящая интеллигенция поддержит его. На носу съезд, который он может сделать поворотным в истории страны.

Словом, я опять, как при начале Андроповской эры, которую я в докладе на партсобрании Отдела назвал «ноябрьской», «полон надежд и упований».

Первой проверкой будет:

перемещения в ближайшем аппарате — помощники, зав. Общим отделом вор Боголюбов, еще кое-кто;

допустит ли он восхваления в свой адрес... Громыко уже произнес сакраментальное «выдающийся деятель партии»?

будет ли он медлить (как это случилось с Андроповым) с крупными реформами социально-формационного масштаба или уже на Апрельском Пленуме заявит о себе, как о подлинном новаторе в совершенствовании общества?

А.С.Черняев. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы.
М., РОСПЭН. 2008. С. 608-609